

Съездила в гости...

Да, паря, девки, приташи́ла мне письмо почтóвска, парень из городу отпра-вил. Я с ума сошла: ради Христа, всё ли ладны? Он вить, как всё-то добром, дак не шибко пишет.

«Добрай день, мать! Получили от тебя письмо. Пла́чешь, что редко пишу. Не́ковды мне с письмами сидеть. Пристаём без ума, день и ночь обои с Раисой на работе. Домой придёшь, а там чéлядь нады привести из яслей. Да за продохтами в магазин сбегать. Тут тебе не в деревне, што всё под руками. Веришь-нет, которой раз не́ковды вечером бутылочку пива выпить! Из мóчи вышли. Сичас вот ждём отпуск. Подумывам съездить куды-нить на курорты. Так што этот год меня не дожидáй.

Да не здúмай картошки сама рыть! Пензия у тебя хороша, наймёшь ково-нить. Тунеядцев полно́, за бутылку всё сделают. Остаюсь твой сын Роман».

Ково делать? Какой лешак эти города нагородил, что весь народишко бьётся в них без сну, без отдыху?! И хто их бедных пожалёт, как не родима мамка?

Расклеви́л меня Ромаха. Всю жись за́ ночь передумала. Мы с нём друг дружку не приголубим, дак боле нас пожалеть некому... Одне остались на всём белом свете.

Нады ехать! А как поедешь с простыми руками? Вот дак здоро́во живёшь, скажут, явилась... Я вить к ним первой раз собралась... Дак и оне не бывали тут. Ромаха сёмью-то свою толька на карточке и каза́л.

Думать нековды, стала складыватца. Сальца поло́жила килограммчика четыре, пятилитровой тусок рыжиков солёных, в двух стеклянках сметаны да маслица... Да тово-другово помаленьку (умом-ту думаю — базарно надо́ело, дак пушай своёво поедят в охотку). Ково в поня́гу склала, а хто не вошло — пришлось мешок доставать. Дорожку нову на подарок поло́жила — ишшо свекровка тка́ла, царство небёсно. Почти что нено́шена. Два раз однако стелу́ла — к Новому году да на майски праздники, ли чё ли...

Подумала-подумала, в другой куль картошек свежих подкопнула.

Да и поехала... Пособлю, стало быть, сколь могу. Пушшай мать добром поминают...

На станции мне подфарти́ло — у поезду стречали наших же деревенских, да и меня довели к самому ко крыльцу.

Всю себя изругала — пошто радиogramму-то не отбила? Пожалела пяту́тку, беспу́та... Думала, багажу́ не много, сама дотащшусь.

Вот уж кругова́ дак кругова́... Простояла день под дверью! Раиска с челядью в сеом часу домой явилисья.

Ну не шибко же сноха-то мне радовалася... Сходу давай трясти документы, мол шляютца всяки. Всё прочитала. Спасибо, хоть домой запустила да указала, куды манатки складывать.

А сама на месте нисколь не стоит. До чего верту́ча — неможно́ разглядеть! В коидоре-то огонь не зажигат, вижу толька што бабёнка нам незажывна попала... Ни спереду, ни сзаду никово нету... Уж не хворат ли чем, оборони́шна мать? Ой, ради Христа, у Ромахи глаз-ту нагото́во нету стало быть... Уж ково он на неё кинулся? Побашше-то не нашлося? Ну дак каждому мужику охота на хорошей женитца, добры-то бабёнки и в городах не залёживаютьца. Вот, пока Ромаха думал, их всех подчисту́ и расхватили, эта уж сама распоследня была... Заманила видать как-то, да и опу́тала парня.

Гляжу, пошла она в куть... хочь бы чайку горече́во налила, у меня уж язык к нёбу присох. Да я бы и пои́сь не отказалась — за весь день крошки в рот не брала — от багажу́-то не убежишь, живо подберу́т добры люди!

В куте Раиса всё же огонь добыла, нады успевать глядеть... А она, девка, зад-перёд снуёт: то в куть, то на́ избу. У меня от мельтешення какэсь тёмно в глазах заспелось. Она где эта бу́ка-то выросла?! Свекровка впёрвы сроду к ней приехала, а невеска не то что гостей позвать — поздоровалась и то скрозь зубы!

Уж чаво-чаво, а у нас на Ангаре-то стречать уме-е-еют!.. Хто бы ни зашёл-ни заехал, хозяйка-то не знат, куды их посадить, чем по́тчевать. Маменька, Царство Небёсно, бывало, от плиты не отходит — жарит-парит. А после упрáвы — все за стол! И пивка попьёшь. И пирогами брюхо набьёшь. И обо всём на свете переговоришь, всех помянешь...

Спать-то хозяева сами на пол лягут, а гостей на свою койку поло́жат. Это ли не уваже́нне!

А эта? Посадила меня в кутё, сунула кружку кипятку с печенюшками, а сама давай бегать подбира́тца да стира́тца. Друго́ время не нашла, вся уро́д! На челядь ревьёт, Ромаху отчи́тыват, а в куть заглянуть не́ковды. Сижу одна, как репа!

Я ково одна-то тут насижу́? Ехала на невеску да на мнучат поглядеть.

Пошвыркала я чайку... В кутё-то свѣтло, счас уж я её пúшке разгляжу. Дак она разе даст?

— Ты, родима, присяла бы, да обсказала, как поживаете. Меня ково боятца-то — я вить не кусаюсь. Свекровка тебя в глаза не вѣдывала, а ты скачешь, как вошь на гребешке...

Ва-а-ай, да её хто разглядит? Вся изукрашена, живого места нету... И напудрена и нарумянена... Брови подведѣны, губы красны, подглазья впрóзелень...

Да вся-то расфуфырена! Дикалоном пахнет, коло неё здохнúть нельзя, какэсь рот захватыват! Это на каку-таку работу наряжаю́тца, да дикало́нятца?!

Ну я не утерпела:

— Ты почево, ради Христа, себя эдак уро́дуешь? Не по лешака ли выпатралась? Иди-ка умойся — однако на каждой шшеке́ по килограмму краски-то... До меня доведись, я бы спросо́ння-то испужалась... А челядѣнку много ли нады? Думаешь ли нет своѣй головой? Это вить ребят на всю жись за́йками можешь сделать...

Ох она и сбрындила!!! Сама из-за стола выскочила и ребят уташш́ила. Слышу, ругатца скрозь слёзы. Ково бытто я сказала?

Вот и живу я в этом городе. Неделю живу. Дак ўздива вышла!

Мы вить привышны рано спать ложитца, ну и стаём с петухами... А тут с разговорами да с пережива́ннем долго уснуть не могла, вся извертелась.

А в три часа как ш́илом в бок ткнули! Живо соскочила, завтрак направила. Ромаха-то без ума любит картошки жарены, да ишо с рыжичками солѣными. Куды слáшше-то?! Сижу в кутё. Думаю, дай-ка ишо сальца нарежу. Всѣ сытнѣй, на весь день вить убегают...

Час прошел... Другой доходит... Некто не стаёт.

Сижу, а у самой кошки на душе скребутца, время-то са́ма ста́вальна пора. У нас к пяти часам уж сама ленива бабѣнка со своим скотом упрáвитца и на работу в колхоз убежит. А тут скоро пять...

Дак с нимя́ уж всё ли ладны?

Пошла я тихоньку к имя́ в горницу... Мамы родимы — все ло́ском спят! Толька хропотóк стоит. Хто чево?

Стою, не знаю ково делать. Умом-ту думаю, доспят допослѣду — на работу обробѣют. И будить боюся — вишь, невеска-то какá? Не шибко глáдка. Не дай Бох нѣлюбо покажетца.

Хоть матушку репку пой!

Постояла ишо да и придумала — а дай-ка я чем-нить в кутё побрякаю!

Пошла сковородки перебирать...

Но, де-е-евки, она не до-о-олго соссакивала!!! Толька три слова рывкнула — я сразу спомнила, ковды им ставать нады.

До чево сердиту́шша! Сколь дѣн прошло, а она на меня косым не глядит. Кажнай вечер скрозь заборку слышу, как она Ромаху моёво едо́м ест, какэсь к концу пригоня́т — отправляй да отправляй эту дуру деревенску обратно. Видать незлюби́ла она меня. А ково я ей сделала, кроме хорошево? Одново добра́ сколь навезла́ — не пересказать!

Родню-то оне всё же созва́ли. Гости давай спрашивать, хто я да откуль. Мне-то и обсказать бы охота, дак я вить не без глаз, вижу, што при каждом ма́те-

рином слове краснеют, стыдятца моёво разговору. Ей-Бох, хоть рот себе платком запечатывай.

Ничё не скажу — на стол полно́ всего наставили. Людям-то и мяско́, и рыбку, и стряпню... А ко мне под нос чашку с винагретом сунули. Чашка-то, мамы родимы, полугодовалого челядёнка мыть можно. Думали, я в три горла ись буду. Весь вечер давила́сь этим винагретом. Из-за стола какэсь го́лодом выползла. Потом уж со стола убирала, дак похвата́ла с чашек того да сего, вот и вся моя ўжна... После этого я зарóк дала — боле при гостях за стол не саді́ться.

Я в людях-то жить непривышна, ни ись, ни пить не могу. За столом не знаю, куды руки девáть. Да и тоскливо по всему-ту дню одной. У нас вить с хозяйством до́ дому не дотыка́сса. Здря рассиживаться нековды, не видишь как день прошел. А тут с крыльца одной спуститься и то бо́язно. Как в КПЗ неделю отсидела.

У невески-то я не хозяйка, за что ни схвачу́сь — всё не по её делаю! Была бы она здорова, дак я бы ей ответила. А этой слово скажи, она три дня с обвязанной головой по избе ходить будет! Потом не знашь, с какого боку к ней подъехать... Ну-ка вить как устроилась?! Мужик боится рот отворіть...

Никого доброго в этом городе нету. Окроме тёплой уборной.

Пораскинула мозгами — поглядела, как живут, и хватит. Какá из меня гостья?

Срóду не гостила, нэчего и начинать. Оне со мной тоже уж приста́ли...

Поеду обратно... Дома рабóтишши полным-полно. Одного сена сколь припасти нады. Потом картошки в́ырыть.

Нанимать никого не буду — всё лишна копейка останется. Молоды в отпускú изд́ержатца, а я как раз и пошлю переводом хоть полторы-две десятки...

В гости-то меня бо́ле ништо не позовёт, а как деньжонки полúчат, может Ромаха ишшо раз письмишко напишет...

И то дава́й суды...

Беспута — бестолковая.

Забóрка — перегородка.

Издива вышла — удивилась до изумления.

Из мóчи вышли — сильно устали.

Косым не глядит — демонстративно избегает.

Круговá — бестолковая.

Наготóво — совсем.

Неможнó — никак нельзя.

Поня́га — доска с ляжками для ношения на спине охотничьего снаряжения.

После упрáвы — после всей вечерней домашней работы.

Пóтчевать — угощать.

Расклеви́л — довёл до слёз.

Ста́вальна пора — время просыпаться.

Чéлядь — дети.

Сборы на охоту

Василий не стал дожидаться ужин. И не то, чтобы торопился — боялся, что Лидка захватит его в избе и заставит по хозяйству помогать. Кое-как похватал со сковородки и побежал в избушку. Дрова прогорели, он подбросил щепья́. На улице не холодно, можно бы и без печки... А Васька любил огонь. Лучше дверь открыть, если жарко станет...

Сбежал в завозню. (Он сроду не ходил, всё больше врысью бежал!) Достал с вешалов сетушку. Обругал себя за лень — сразу надо было выбрать да вытрясти! Сейчас заняться — это сколько время уйдёт?! На скорую руку тут же ошмоктал траву... Страхнул... Пока аппетит есть, надо хоть одну починить — не увидишь, как весна подскочит.

Натянул сеть через всю избушку, из угла в угол. Оглядел. Бросил на пол старенькую теплушку. Сел на неё, подобрал под себя левую ногу... Ох и любил он один посидеть с ловушками!.. В печке тлеют уголья. Тепло. Тихо. А главное, Лидка с тещей не досаждают разговорами. Руки сами находят дыры... деревянной иглой тут же надвывают ячей... Он каждую дыру наперечёт знает... и кто порвал... Вот тут, к примеру, ершишка всё в кучу собрал, пришлось ножиком вырезать... А тут шука... Насквозь пролетела, да в режь запуталась!... Ох и кобыла была! Пока её из сети вытаскивали, лодку чуть не опружила! А Лидка из неё целый таз фаршу навертела. Всю родню снабдила щучьими котлетами.

Нонешно лето рыбы везде хватало... Плавежом хорошо добыли. Грех жаловаться...

...Но, паря, ишшо не башше! Тут что за прореха, откуль взялась?

...А-а-а, тут вить задёва была, никого сделать не могли... Да-а, нады померёковать, как ловчэ зашить...

Думал бы и думал об рыбалке... Душа отдохнат...

Тут дверь отворилась. Оглянулся — сват Михаил.

— О! Думал свежи, а тут всё те же! Садись, раз пришел.

Сват снял шапку, об колени потряхнул с неё снег. Присел у порога.

— Да, паря, тебя разе дождёсь? Сам-от сроду не придёшь.

Васька, не выпуская из рук иголку, пожаловался:

— От моих баб куды выскочишь? Вздохнуть не дадут, всё у них кака-то работа!

— Ври да не завирайся! Шибко-то захотел, дак вырвался бы на час-другой.

Гляжу, паря, ты самай раз за сетушки-то взялся...

— Да нады починять помаленькую, докуль времечко есь.

— Оно у тебя откуль, время-то? Через неделю нады в ухोजье быть. Про осёновку-то не забыл?

— Мне долго ли собраться — только подпоясаться! Вечер — два и готово!

— Эка, паря! Сколь не скорай ли ты! Всё у тебя наскоком. Как на охоту идти, так собак кормить! Завтре чтоб как штык у меня был!

— Да я завтре было собирался ехать макчёнов сачить. Садок уж направил...

— Не хошь со мной охотничать — езжай, сачь. Ты, сват, гляди — я без свяшника не останусь, только свистну — счас же прибегут...

— Да, я умом-ту думал, ишшо рано... Ланись на неделю позже уехали...

Сват хлопнул себя по голяшкам:

— Эти ево дивизию мать! Тебе сколь говóрено, што нонешнай год в лес поголу попадать нады!?! Давай шшитать, раз мне не веришь.

Михаил взялся загибать пальцы:

— В ручье заездок загородить нады? Раз! Слопцы да кулёмки наладить — два. Капкання насторожить — три! У зимовья угол стал промерзать, мóхом утыкать нады... Дров напилить... Я ково тебе рассказываю?! Сам не знашь?!

— Ты, сват, на меня голос-то не подымай! Я тебе не челядёнок. Подсобырываюсь. Эвон, в завозне весь угол завалил. Тёшша уж бурчит ходит, черепки ей негде складывать.

— Дак как не заревёшь?! С весны трóстил, што этот год раньше уедем. А нонче видишь, ково погода-то делат? Снегу навалило, местами уж какэсь по обóрину. Это хорошо, што зимовьё на рёлке — может не шибко занесёт. Ты ишшо тут со своими макчёнами... Тебя вить не сразу поймёшь — где шпанíшь, где вправду говоришь...

Мало-помалу сват остыл. Достал папироску. Закурил.

— Вчерась кособыцких стретил. Были на тракторе у нашего зимовья. Ходят там два сохатых. Не уйдут, дак с мясом нонче будем. Я уж из-за чего и тороплюсь.

Василий спиной прислонился ко стене, прижмурился:

— Не поверишь, а я сплю и вижу беличьи курёнки... вот никакó мясо за них не нады...

— А мне оне дáром — что есь, что нет. Я уж надеюсь на свежáтинку. Слашше мерзлятинки никово нету! Наипáче печёнка... — Михаил закати́л глаза, поцокал языком. — Никакого шшикаладу не нады...

— Этот год корму в лесу хватат. Птица будет. Может пальника стрелим.

— Всё ничего, вот на сохатого-то у нас собаки доброй нету. Мой Буран без сучки на зверя ни за что не пойдёт.

— Да, Яковлевич, я вить сёдни свою сучонку в лес водил, опровéдывал!

— Ну и как она?

— Да ничаво... Повíзгиват.

— То и есь, что повизгиват... Одно слово — первосёнок. Учить нады.

Посидели, покумекали. Без собаки кака охота?

— А ты не слыхал, Трофимович нонче в лес не собираатца?

— Какой ему лес?! Вечор стреч идёт — кожа да кости... Не знаю, чем дjóжит. Тово гляди — кондрашка хватит. Он тебе почево?

— Да у него сучка-то лесовá, в́ышколил её куды с добром. Как думаешь, даст-нет? Счас попутé зайду к нему. Мясa за собаку посулю — не откажет.

Михаил достал из кармана измятый листик.

— Я тут список приташил, ково тебе направить нады. А то всё забудешь. Первым делом провьянт погляди. Стиунец-то как, годнай ишшо?

— Дак как? И двустволка... Обои почистил и смазал. Я уж их нáстую...

— В прошлом годе у твоих лыж юксы худы были. Не заменил?

— Всё наладил. И камасья проверил. Я нонче с лета взялся собираться. Тёшша и та не отвертелась — заставил новы коко́льды связать да накухтáрник пришить. У поняги ремни стары заменил. Бокарú новым подшил и головки смазал. Постегóнку и ту взапас взял. Ково ишшо нады?

Михаил маленько подымил.

Сват поднялся, надел шапку.

— Вот завтре заходи, подобьём бабки. А я с утра дойду до бригадира. Коня просить. На чём в лес-то попадать будем?

Михаил уж отворил дверь, да не утерпел, наказал строго-настро́го:

— А ты собратсья-то соберись, а в яшшики не складывайся. Я сам сперва погляжу ладóм — может ково не хватат, да где ково исправить нады. Во вторник пойдём в лавку, харчéй наберём. Вскладч́ину! Деньги взять не забудь. А в среду уж крайнó нады выежжать.

Васька не успел устроиться на своём месте, опять скрипнула дверь. Сват! Видать не всё сказал...

— Ну, товарищ, я уж наравне с тобой закружился. Почево бытто заходил? Давай кажи, каких лекарств в лес набрал?

Василий заюлил:

— В завозню идти неохота. Завтре захвачу с собой, всё равно к тебе пойду...

— Ты мне не вилай! Знаю я твою мóду — всё напослед оставлять.

— Да говорю тебе — к завтрему всё соберу!

— Тебе вить толька Лидке сказать, она сама всё складёт...

— Она бытто почём знат, чё нады? А мне над ней стоять нековды...

У Михаила речь отнялась... Это што за мужик?!

— Ну, паря, ты и сказанул! Она у тебя кем работат, не забыл?

— Я чё забуду-то? Дак она вить не в больнице фершал-от, а в вилитинарке.

— Ты думай головой-то — человечьему фершалу чё нас не лечить? Сам же ему всё обскажешь, где кто у тебя болит. Он тебе таблетку сунул — иди лечись... Вся работа! А вилитинар?! У коровы, а наипаче у жеребца, много ли наспрашивашь? Вилитинары, оне поболе наших врачей знают. Да нам вить никого шибко хитрого и не нады. Само главное, штоб от головы было, да от брюха...

— Ну всё! Накажу я ей, на-ка-жу! Утре приташшит.

Михаил сдвинул шапку, поскрёб затылок:

— Подумай-ка, Алексеевич, давно ли стали с тобой охотничать-то? Это сколь годов ты со мной уж ходишь? Пять-шесть? А вить никака лихоманка нас не брала...

— Не бай... Ото всево самогонка помогала...

— Вот-вот. А нонче? Моя-то ково придумала!? Положила две пачки сухой горчицы. Дёскачь, она от простуды хорошо. В носки, грит, насыплешь, так и ходи. И Василля заставляй. Ишшо дикалон навеливала, мол им на ночь нады растиратца. Как что не одичала!? Этим дикалоном путик опрыскать — дак года три ни сохатого, ни соболей не увидим... От нево душина — не дай Бох!

— Да-а-а-а... Ишо маленька и будем старух с собой брать. Пушшай нам горчишники ставят да поясницу натирают.

— Аха. С нима порепетировать, дак оне и ружьё за нами таскать научатца?

Шутки шутками, а ты проверь, штоб Лидка ко всем пачкам инструкции прилóжила, кто от чего... Не забыл, как в прошлом годе меня от простуды лечил? Чуть в землю не угнал!

Васька покотился с хохоту!

Михаилу показалось обидно:

— Тебе смешно... А я вить дня три боялся штаны застегнуть. Так пронесло, напослед-то уж ветром качать стало!

Васька кулаком утёр слёзы:

— Да понимаешь, у нас дома этих лекарств — каких толька нету! Во всех углах! Главное, вить сроду никто не хворат. А чё им вальятца-то?! Ну я и насобирал, думал обоим на всю осень хватит. Ишшо и останутца... Это уж потом мне Лидка растолмáчила, откуль у тебя понос взялся...

Михаил напрягся. А Васька выставил вперёд обе руки:

— Я всё обскажу, только ты не реви сразу-то. Сперва подумай, потом на честность скажешь — до тебя доведись, ты бы сам допетрил или нет... Ну вот, слушай... как на духу говорю — я сроду не знал, что тёшша запорами маецца. Вот Лидка ей и натаскала. А тебе бы пáло на ум, что пилюли, сколь дома есь — все слабительны? Подвйд пургена?! И порошки?! Залез на полку по охотничий билет — там настойка кака-то в кáпошном пузырьке. Ну, думаю, негодно лекарство на божницу

не спрячут! Не поверишь — настойка, и та слабительна!.. Главню дело картинки-то с буквами на всех пачках разны! И всё не по-русски! Ну?! И ково бы я там разобрал? Я вить тебе не фершал...

— Вот Якуня-Ваня! А я всё думаю — с чего это меня пронесло? Сроду этого не бывало! Сколь себя помню, брюхо у меня как часы работат! А тут на тебе — главню таблетки пью, а кашель не униматца! Зато понос донимат! Я уж не знал, кого и думать... Тут ты верно смикитил, что сразу не сознался...

— А я чё говорю? Счас я с Лидки с живой не слезу, пока аптечку не складёт...

Всю дорогу до своей избы Михаил думал: что за мужик этот Василий? А вот привязался к нему и всё... Без него тоскливо... Другого напарника никак не надо — хочь не кружай он!

Курёнки — мясо с беличьих задков.

Врысью — бегом.

Завозня — сарай для инвентаря.

Заездок — перегородка поперёк речки, чтоб скапливалась рыба.

Капошный — очень маленький.

Кокольды — толстые, вязанные особым способом рукавицы с разрезом на запястье, чтобы снятые висели на руках.

Кособыцкие — жители д. Косой Бык.

Ланись — в прошлом году.

Нашпаче — особенно.

Напрók — на будущий год.

Накухтарник — кусок ткани, пришитый на затылочную часть шапки, чтобы снег и изморозь с деревьев не сыпались за шиворот.

Настовать — опекать, ухаживать.

Опружить — опрокинуть.

Пальник — тетерев.

Поголу — до того, как ляжет снег.

По обóрину — до щиколотки.

Постегонка — дрáтва (толстая нить для починки валенок, черок и т.д.).

Плавёж — когда сеть натягивается поперёк реки, между двумя лодками плывёт по течению.

Трóстить — без конца повторять одно и то же.

Шпанить — шутить.